

ПРОЦЕССЫ АКТИВИЗАЦИИ И СОЛИДАРИЗАЦИИ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ НА ПРИМЕРЕ ЗАВОДА «ФОРД»¹

К. КЛЕМАН²

■ ОТНОШЕНИЕ

К «ШТРЕЙКБРЕЙХЕРАМ»

Открытость и демократичность, отмеченные уже по поводу метода голосования, выражаются еще и в отношении к т.н. штрейкбрейхерам, т.е. к тем, кто не участвовал в забастовке.

Члены профкома четко делят неучастников на тех, кто не мог по объективным причинам, и на тех, кто не хотел из-за индивидуального или корыстного интереса.

Долго рассуждает по этому поводу один из них: «Штрейкбрехеры – это не монолит, не однородная масса. Есть молодые рабочие, которые на испытательном сроке находились и не могли к нам присоединиться, иначе их просто не взяли бы на работу. Многие из них говорили, что не участвуют в забастовке только из-за испытательного срока. Вторая категория – контрактники. Это люди, работающие по системе аутсорсинга, они, грубо говоря, юридически вообще бесправны, что им скажут, то они и делают, потому что если они откажутся, начальник позвонит в фирму, работниками которой они юридически числятся, и скажет, что этот человек нам больше не нужен. Для этого ему вообще никаких поводов не надо, не нужен и все! (...) Другая часть штрейкбрехеров – те, кому нужны деньги не-

имоверно, поэтому они отказались в забастовке участвовать. Есть люди, которым просто плевать на всех, их позиция – никуда не дергаться, и главное их желание – выехать на чужом горбу. Такие тоже на «Форде» есть. Кому-то нужен грейд (разряд) второй, третий получить, они предпочли получать свой разряд, а не стоять рядом со своими товарищами. Кто-то хотел какую-то должность получить и боялся в забастовке участвовать. Кого-то запугали. То есть те, кто работал во время забастовки, – это разные люди. У кого-то просто выхода другого не было, а кто-то шкурные свои интересы преследовал».

Во время забастовки борьба велась за каждую душу: начальство обзванивало, угрожало и обещало, чтобы люди вернулись на работу; профком обзванивал, поощрял, давил на совесть и призывал к солидарности. Постоянные утренние пикеты имели также цель сопровождать людей, шедших на работу: «Фактически, на протяжении всей забастовки, с того момента, когда запустили смену штрейкбрехеров, мы организовывали коридоры позора, освистывали тех из рабочих, кто на работу шел, когда они на автобусах проезжали и выгружались у проходной. Многих из них мы выдергивали и обратно вводили в забастовку. Были такие случаи, причем достаточно много таких людей было».

Слова респондентов подтверждаются данными исследования, где единственные работники, заявившие о том, что не участвовали в забастовке, были либо ра-

ботники подрядной организации, либо вновь прибывшие на завод. Если вторые говорили о том, что, да, что-то слышали о профсоюзе и забастовке, но не успели еще вникнуть, то первые однозначно заявляли, что им совершенно нельзя бастовать: «Нам нельзя поддержать (забастовку). У нас другое предприятие, нет у нас профсоюза. У нас совсем другое – не нравится, уходите!»; «Если у нас забастовка бы была, это бы очень просто разрешилось... [имеется в виду увольнение] Как бы все на честном слове. Да, да, обещания, обещания, обещания. Вот не платят, например, водителям зарплату, вот не платят и не платят. Просто увольняйся и все»; «Мы подрядные, какая для нас забастовка?».

Понятно, что с «объективно» не бастующими отношения намного более терпеливое (многие их даже жалеют, потому что у них «рабское положение», «намного хуже, чем у нас/у меня»), но интервью показывают, что толерантное отношение не ограничилось ими.

Фрагменты из одного интервью:

– Интервьюер: «А отношение к тем, кто не бастовал?»

– Член профкома: «Каждый со своей причиной. Это на их совести. Я знаю некоторых, которые боятся, кто-то хочет стать бригадиром, кто-то кредит набрал и не знает, как с ним разобратся».

– Интервьюер: «А вы с ними сейчас работаете? И как?»

– Член профкома: «Ну как, сейчас они как бы подняли голову, а поначалу ходили и в глаза смотреть боялись. Сейчас уже

¹ Продолжение. Начало см. в «Лоббисте» №3-2008 (прим. ред.).

Источник: <http://ikd.ru/?q=node/6262>

² Карин Клеман – научный сотрудник Института социологии РАН, директор Института «Коллективное Действие».